

Глава 4

Фан Ин с некоторым недоумением взирал на Цинь-вана, но, тем не менее, подробно изложил ему всё, что происходило с Салучзы в последние дни.

— Ваше Высочество, Салучзы — конь поистине удивительный. Когда его привели обратно, он был сам не свой: метался в беспокойстве, отказывался от еды и всё тянул шею к выходу, словно о ком-то тревожился.

«С Ли Шиминем ведь всё в порядке? Он просто обязан выстоять! От этого зависит, кем я стану в этой жизни — живой треногой для камеры или же императорским скакуном, что войдёт в анналы истории! Вся надежда на тебя, босс!»

— Позавчера вы проходили мимо, и скакун, услышав ваш голос, так рвался наружу, что едва не вырвался из стойла.

«Вот как я по тебе тоскую».

— А вчера он и вовсе отказался от воды. Сжался в углу, взгляд потускнел... Лекарство пришлось вливать силой.

«Я уже знаю, что в лагере началась эпидемия. Судя по тому, что я читал об Эр Фэне, он наверняка сможет связать это с событиями того дня. Тогда князь поймёт, что я действовал ему во благо!»

Раз так, то представление нужно довести до конца. Необходимо в полной мере отыграть свой образ: верный слуга, непонятый и избитый своим господином. Но даже после такого обращения он продолжает преданно ждать хозяина, рвётся к нему на голос, а после нескольких дней ожидания впадает в отчаяние, решив, что его бросили. В итоге — депрессия, отказ от еды и питья. Какой прекрасный конь! А ты, Ли Шиминь, ты его предал!

Ли Шэн тогда так растрогался от собственного сценария в голове...

«Хм-хм, и после такого ты, Ли Шиминь, не попадёшься на крючок?»

Цинь-ван, как и ожидалось, полностью попался на уловку коня-актёра. Слушая рассказ Фан Ина, он чувствовал, как его сердце тает.

В древних книгах говорилось, что хороший конь подобен верному подданному — преданно защищает господина, умён и проницателен. Неужели ему посчастливилось встретить такого чудесного скакуна?

Ли Шэн услышал, как шаги приближаются, замедляются и, наконец, замирают. Чья-то рука легла ему на шею и нежно погладила гриву.

— Салучзы, я пришёл навестить тебя.

Жеребец обиженно дёрнулся, тихо всхрапнул и стряхнул его руку.

«Меня же высекли! Думаешь, пара ласковых слов — и я тебя прощу? Мечтай!»

Ли Шиминь не рассердился. Что ж, у талантливых созданий всегда есть характер, и кони, должно быть, не исключение. Это нормально. Такой умный любимец наверняка сильно обиделся.

Вспомнив, как он в тот день в гневе сорвался и ударил скакуна, не рассчитав силы, он поспешно осмотрел его спину. К счастью, ран не было. С чувством вины и жалости князь протянул руку, чтобы погладить его, но тот, как и ожидалось, снова увернулся.

«Эх, Салучзы определённо сердится. Он, рискуя собой, пытался защитить меня, а я не навещал его столько дней».

Стоявшие поодаль слуги с изумлением наблюдали, как их мудрый и доблестный Цинь-ван кружит вокруг Салучзы, пытаясь его приласкать. Рука, тянувшаяся к голове и спине коня, раз за разом оказывалась стряхнутой, но князь не гневался, а продолжал терпеливо уговаривать своего любимца.

Наконец, после бесчисленных попыток, огромный пурпурный конь ударил передним копытом и, проявив неслыханную милость, повернул голову и легонько ткнулся мордой ему в руку.

«Ладно, так и быть. Раз уж ты сам пришёл извиняться, я тебя прощаю».

На самом деле Ли Шэн осмелился так себя вести лишь потому, что знал о великодушии Ли Шиминя. Будь на его месте кто-то другой, он бы не рискнул — а вдруг бы от него и вправду отказались? Вот была бы беда.

Увидев, что прекрасный скакун наконец-то позволил к себе прикоснуться, Ли Шиминь почувствовал облегчение. Он так и знал: Салучзы — конь умный и преданный. Раз уж он признал в нём хозяина, то не отвернётся из-за такой мелочи.

Хотя они и находились на поле боя, такие маленькие радости поднимали настроение. Последние несколько дней ситуация на фронте зашла в тупик, ни одна из сторон не решалась сделать опрометчивый шаг. Эпидемию в лагере удалось подавить, и сегодня у него выдался редкий свободный час.

Ли Шэна вывели из конюшни. На пустом месте рядом поставили большую деревянную лохань с водой, а у неё уже лежали специальные щётки и гребни. Цинь-ван подобрал полы своего халата, заправил их за пояс, взял щетку и принялся вычёсывать любимца.

Ли Шэн ощутил невероятное блаженство, сравнимое разве что со спа-процедурами для волос из его прошлой жизни. Ощущение, когда каждый волосок расчёсан, чистота и свежесть — это было восхитительно!

И кто это делал? Сам Ли Шиминь! Тан Тайцзун! Собственными руками! Это духовное наслаждение было превыше всего!

Жеребец стоял, наблюдая, как князь суетится вокруг него, и в душе у него была лишь одна мысль: «Эта жизнь прожита не зря!»

После того как всю шерсть расчесали, началось мытьё. Солнце всё ещё припекало, и после купания, высохнув на солнце, он почувствовал себя просто превосходно!

Ли Шиминь заметил, что после мытья Салучзы стал ещё более ласковым, постоянно тёрся о него, а в его больших глазах читались благоговение и доверие. Это было приятно — когда твои усилия вознаграждаются, такое удовлетворение приносит радость.

Скакуна также угостили вкусными фруктами. В военном походе свежие плоды были большой редкостью, и Ли Шиминь, конечно же, отдал ему свою долю. Ли Шэн ел с удовольствием, а князь, глядя на то, как его любимец наслаждается угощением, тоже был доволен.

Фан Ин всё это время стоял рядом и с улыбкой наблюдал. Он слышал о том, что произошло в тот день, и теперь примерно понимал, в чём дело. Если разобраться, это было спасение жизни, неудивительно, что Цинь-ван так относится к своему коню.

Князь, наблюдая, как Ли Шэн ест, снова взял гребень и принялся расчёсывать его гриву. Жеребец немного удивился: разве его уже не расчесали?

Впрочем, ему было всё равно. Может, Эр Фэну просто нравится ощущать его гриву под пальцами. Пусть трогает, сколько хочет!

Лишь когда Ли Шиминь взял из рук Фан Ина отрезок шёлковой нити, он почувствовал неладное. Почему, когда он мотает головой, грива больше не колыхается?

— Готово! В походе условия скромные, но когда вернёмся в Чанъань, я непременно найду для Салучзы украшение из пурпурного нефрита!

Рядом всё ещё стояла большая деревянная лохань. Ли Шэн взглянул на своё отражение в воде: его грива была заплетена в косичку! И не просто стянута в хвост, а заплетена от самой головы

и до плеч, причём по ходу плетения в неё постоянно добавлялись новые пряди. Это напоминало французскую косу, которую носили девушки в его время.

Ли Шэн был ошеломлён! Ли Шиминь ведь происходил из знатной семьи! Его дед, Ли Ху, был левым вице-главой при династии Поздняя Вэй и носил титул Лунси-цзюньгуна. Его отец, Ли Юань, был двоюродным братом императора Суй Яна и в семь лет получил титул Тан-гогуна. В такой прославленной семье принц с рождения должен был быть окружён слугами, которые заботились бы обо всех его нуждах. Он что, умеет плести косы?!!!

Но потом он подумал, что Ли Шиминь с юных лет водил войска в бой. На поле брани всё приходилось делать самому, так что, возможно, он просто наловчился.

К тому же, он был человеком широкой души и простого нрава. В исторических хрониках говорится, что он был учтив с подчинёнными, щедро делился богатством и привечал гостей, пользуясь большим уважением в армии. Может, он увидел, как кто-то ухаживает за своей лошадью, и научился у него.

— Недавно вы говорили, что гриву Салучзы нужно подстричь, чтобы не мешала сбруе. Из-за дел мы так и не успели. Теперь стричь будете? — с улыбкой спросил Фан Ин.

Ли Шиминь опустил полы халата и похлопал коня по спине:

— Пока не будем. Заплетённая грива стала короче и, думаю, мешать не будет.

Ли Шэн снова посмотрел на своё отражение, покачивая головой. Ощущение было такое, будто в парикмахерской ему сбрили виски. Раньше при движении грива развевалась, а теперь, заплетенная, она казалась какой-то куцей.

Ли Шиминь приказал Фан Ину как следует заботиться о его драгоценном коне и вернулся в свой шатёр.

На этот раз Сюэ Цзюй выступил в союзе с Лян Шиду. Из Тяньшуя он разделил свои силы на две части: одна двинулась прямо на Гуюань и Цзинчжоу, нацелившись на Чанъань; другая пошла на юг, чтобы атаковать Наньчжэн, современный Ханьчжун.

Лян Шиду же выступил из Цинчжоу, чтобы атаковать Линъю и соединиться с тюрками.

Если бы этот план удался, династия Тан оказалась бы в клещах с трёх сторон.

Но в этот момент решающую роль сыграла стратегия Ли Юаня. С самого начала восстания он поддерживал дружеские отношения с тюрками, стараясь избежать прямого столкновения с этим северным гегемоном. Когда замысел Сюэ Цзюя стал известен Ли Юаню, он немедленно отправил на север посланника Юйвэнь Синя с большим количеством золота и сокровищ.

В то время правителем тюрков был Шиби-каган. Юйвэнь Синь встретился с его младшим братом, Ашина Доби, преподнёс ему богатые дары и убедительно изложил свою позицию. В результате его усилий тюрки отказались от участия в походе против Тан, и план Сюэ Цзюя провалился.

Соответственно, оказавшись в неловком положении из-за «выхода из игры» своего напарника, уже выступившая в поход Западная Цинь была вынуждена сражаться в одиночку.

Но тут началась эпидемия. Благодаря вмешательству Ли Шэна, главнокомандующий танской армией не заболел. Под руководством Ли Шиминя армия Тан стойко держала оборону.

Ситуация зашла в тупик. Западная Цинь была истощена долгим походом, запасы провизии подходили к концу, а с распространением болезни не хватало и лекарств. В то же время армия Тан, находясь на своей земле, могла получать снабжение из Чанъяня по реке Цзинхэ. Даже в войне на истощение они могли измотать Сюэ Цзюя до смерти.

— Донесение! Вторая группа синфэн сообщает о передвижении войск Западной Цинь! Возможна внезапная атака на наш лагерь!

В тот день Ли Шэн вёз Цинь-вана, который вместе с группой людей инспектировал лагерь, когда до них донеслись эти слова.

[Синфэн — подвижная система сигнальных огней в армии династии Тан. Если армия останавливалась в одном месте более чем на четыре-пять дней, вокруг лагеря главнокомандующего в радиусе ста ли разбивалась сеть постов синфэн. Днём они вели наблюдение, а ночью устраивали засады в траве у дорог, по которым мог пройти враг. Прикладывая к земле пустой колчан, они слушали её — этот метод назывался «дитин» — и отслеживали передвижение противника, подавая сигналы факелами. Количество факелов зависело от численности вражеских войск.]

Ли Шэн понял это так: ещё один вид разведчиков, помимо таньма.

— Ваше Высочество, Сюэ Цзюй больше не может выдерживать!

Ли Шиминь слегка кивнул:

— Я так и предполагал. Их провизии не хватит надолго, к тому же они далеко от дома. Чем дольше затягивается противостояние, тем ниже падает их боевой дух.

— Возвращаемся в лагерь для совета!

По пути обратно один из приближённых полководцев заговорил о Салучзы.

— Этот конь так великолепен и умён, поистине редкая удача.

— Не завидуй. Если отличишься в этой битве, то, когда вернёмся в Чанъань, я найду для Салучзы несколько хороших кобыл. Когда родятся жеребята, одного отдам тебе!

Под общий смех Ли Шэн слушал их и застыл в ужасе.

«Что за бред вы несёте?!»

<http://bllate.org/book/16003/1441556>